

Рейчел Каск

1

Второе место

3

роман

Рейчел Каск
Второе место

«Ад Маргинем Пресс»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)6-44

Каск Р.

Второе место / Р. Каск — «Ад Маргинем Пресс», 2021

ISBN 978-5-91103-709-3

«Второе место» — первый после прогремевшей экспериментальной трилогии «Контур» роман канадско-британской писательницы Рейчел Каск (род. 1967), вдохновленный мемуарами меценатки и покровительницы искусства Мэйбл Додж Лухан «Лоренцо в Таосе» о визите Д. Г. Лоуренса в Мексику в 1920-х, продолжает линию размыwania границы между художественным и документальным. Главная героиня приглашает известного художника погостить в отдаленном месте на побережье, где она живет со своей семьей. Страстно увлеченная его картинами, она думает, что видение художника сможет проникнуть в тайну, лежащую в основе ее жизни. Но с наступлением долгого и засушливого лета его провокационное присутствие становится вызовом и нарушает спокойствие ее уединенного дома. Психодрама с элементами социальной комедии оборачивается исследованием женской судьбы и мужских привилегий, геометрии человеческих отношений и нравственных вопросов, которые наполняют нашу жизнь. Роман Каск, номинированный на целый ряд литературных премий, повествует о многогранности человеческой души, сущности художественного гения и напоминает нам о способности искусства преображать и разрушать. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-91103-709-3

© Каск Р., 2021

© Ад Маргинем Пресс, 2021

Рейчел Каск

Второе место

SECOND PLACE

Copyright © 2021, Rachel Cusk

All rights reserved

Перевод: Анастасия Басова

Ad Marginem

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

Я уже рассказывала тебе, Джефферс, как однажды в поезде, следующем из Парижа, встретила дьявола и как после этой встречи зло, которое обычно безмятежно дремлет, вышло на поверхность и распространилось на все аспекты жизни. Оно было словно зараза, Джефферс: оно проникло всюду и всё отравило. Я и не осознавала, как много аспектов жизни оно затронуло, до тех пор, пока каждый из них не начал демонстрировать свою восприимчивость к этой отраве. Знаю, ты всегда понимал это и писал об этом, даже когда другие не хотели об этом слышать или считали утомительным рассуждать о безнравственности и несправедливости. Но, несмотря на это, ты продолжал выстраивать укрытие для тех, кто столкнется с несправедливостью. А это всегда случается!

Страх – та же привычка, а привычки убивают в нас что-то важное. После всех этих лет, проведенных в страхе, Джефферс, во мне осталась какая-то пустота. Я постоянно ожидала, что на меня что-то набросится, – постоянно ожидала, что услышу этот дьявольский смех, который слышала в тот день, когда он преследовал меня по всему поезду. Был полдень, стояла жара, и в вагонах было довольно много народу, так что я решила затеряться в толпе, выбрав место подальше. Но каждый раз, когда я пересаживалась, через несколько минут он появлялся снова, развалившись напротив и смеясь. Что ему нужно было от меня, Джефферс? Он выглядел чудовищно, весь желтый и распухший, с воспаленными желчными глазами, и, когда он смеялся, он оголял грязные зубы, один из которых был полностью черным. В ушах у него были серьги, щеголеватая одежда вся пропиталась потом. Чем больше он потел, тем больше смеялся! И беспрестанно бормотал что-то на языке, который я не могла разобрать, но его речь была громкой, и многие слова звучали как ругательства. Это невозможно было не слышать, и всё же большинство людей в вагоне как будто ничего не слышали. С ним была девушка, Джефферс, паразитальное маленькое создание, совсем еще ребенок под слоем макияжа, и она была почти

раздета – сидела на его коленке, приоткрыв рот и глядя покорно, как глупое животное, пока он гладил ее, и никто не пытался его остановить. Неужели из всех людей в поезде единственной, кто мог бы попытаться, была я? Возможно, он шел за мной по всем вагонам, чтобы подтолкнуть меня к этому. Но это была не моя страна: я только ехала через нее, с тайным ужасом ожидая возвращения домой, и мне казалось, что останавливать его – не мое дело. Так легко думать, что ты ничего особо не значишь, в тот самый момент, когда нужно исполнить свой моральный долг. Если бы я вступилась, возможно, всего того, что случилось после, не произошло бы. Но в кои-то веки тогда я решила: пусть это сделает кто-то другой! Вот так мы теряем контроль над собственными судьбами.

Мой муж Тони иногда говорит, что я недооцениваю свою силу, и мне интересно, становится ли моя жизнь от этого опаснее, как жизнь людей, нечувствительных к боли. Я часто думала, что среди нас есть те, кто не умеет или не хочет усваивать жизненные уроки, и это можно воспринимать как наказание или как дар. Обычно именно из-за них нарушается спокойствие или происходят перемены, смотря как это назвать, – но смысл в том, что, даже если сами они не хотят или не собираются ничего инициировать, это всё равно происходит. Они постоянно что-то ворошат, против чего-то возражают и подрывают статус-кво: они просто не могут не вмешаться. Сами по себе они не плохие и не хорошие – вот что важно, – но они умеют отличать хорошее от плохого. Неужели плохое и хорошее продолжают процветать в нашем мире бок о бок, Джефферс, только потому, что некоторые люди не могут допустить, чтобы что-то одно одержало победу? В тот день в поезде я решила сделать вид, что я не такая, как они. Жизнь становится намного проще, если заслониться книгами и газетами, чтобы не видеть дьявола!

Несомненно одно: после этого произошло множество перемен, и, чтобы пережить их, мне понадобились все силы, вся вера в справедливость и вся способность переносить боль, и я чуть было не умерла – а после этого я уже ни для кого не была наказанием. Даже моя мама на время решила, что я ей нравлюсь. В конце концов мне встретился Тони, который помог мне восстановиться, а когда он подарил мне полную спокойствия и тепла жизнь здесь, на прибрежном болоте, я только и делала что придиралась к ее красоте и спокойствию и устраивала бунт! Ты знаешь эту историю, Джефферс, потому что я где-то писала о ней – я упоминаю ее, чтобы ты увидел, как она связана с тем, о чем я собираюсь рассказать. Мне казалось, что вся эта красота напрасна, потому что незащищена: если я могу разрушить ее, может и любой другой. Какой бы ни была моя сила, она ничто по сравнению с силой глупости. Это было и остается моей аргументацией, хоть я и могла бы воспользоваться возможностью жить здесь в идиллии праздной беспомощности. Гомер говорит об этом в «Илиаде», когда описывает, в каких домах жили и чем занимались воины, сраженные в бою, не забывая об их нарядных одеяниях, колесницах и доспехах ручной работы. Всё это сладостное воздвигание земли и строительство, всё, чем они владели, уничтожено взмахом меча, растоптано, как муравей, в одно мгновение.

Я бы хотела вернуться с тобой, Джефферс, в то утро в Париже перед тем, как я села в поезд, в котором встретила обрюзгшего желтоглазого дьявола: я бы хотела, чтобы ты увидел его. Ты высоконравственный человек, и нужно быть именно таким человеком, чтобы понять, как так вышло, что один из пожаров, начавшихся в тот день, продолжал тлеть годами, как его очаг оставался незамеченным и тайно подпитывал себя до тех пор, пока не изменились обстоятельства, и тогда огонь нашел себе новую пищу и разгорелся заново. Этот костер был разложен тем ранним утром в Париже, когда пленяющий рассвет вставал над бледными очертаниями острова Сите, а в воздухе царил абсолютная тишина, предвещающая прекрасный день. Небо становилось всё голубее, зеленая листва набережных неподвижно застыла в теплом воздухе, и участки света и тени, делившие улицы пополам, были похожи на вечные первозданные формы, лежащие на склонах горных хребтов и будто бы рожденные из них. Город был тих и почти безлюден и походил на человека, который может раскрыть свою истинную сущность, только когда никто не видит. Всю короткую жаркую летнюю ночь я пролежала без

сна в кровати отеля, а увидев между занавесками рассвет, встала и пошла гулять вдоль реки. Это самонадеянно, Джефферс, не говоря уже о том, что бессмысленно, – описывать свой опыт так, будто он имеет хоть какое-то значение. Без сомнения, какая-нибудь другая женщина в эту минуту идет вдоль того же участка реки, что и я, и точно так же впадает в грех, когда думает, что события происходят по какой-то причине и что эта причина – она сама! Но мне нужно описать тебе мое душевное состояние в то утро, возвышенное чувство открывающейся передо мной возможности, чтобы ты понял, что из этого вышло.

Вечер я провела в компании известного писателя, который на самом деле ничего особенного собой не представлял, ему просто постоянно везло. Я встретила его на открытии выставки в галерее, откуда он вытащил меня, приложив немало усилий, так что мое тщеславие было удовлетворено. В те годы мужчины не так часто проявляли ко мне сексуальный интерес, хотя я была молода и, думаю, достаточно хороша собой. Проблема заключалась в моей по-собачьи слепой преданности. Этот писатель был, конечно, невыносимый эгоист, к тому же лжец, и даже не самый талантливый; мне же предстояло провести вечер в Париже в одиночестве, дома меня ждали недовольный муж и ребенок, и я так жаждала любви, что была готова пить из любого источника. Правда, Джефферс, я была собакой – внутри меня была такая тяжесть, что я могла только корчиться, как корчится от боли животное. Эта тяжесть пригвождала меня ко дну, и я билась и боролась, пытаюсь выплыть на блестящую поверхность жизни – по крайней мере, так мне казалось снизу. Перемещаясь из бара в бар по ночному Парижу в компании писателя-эгоиста, я впервые намекнула на перспективу всё разрушить, разрушить то, что построила; не ради него, уверяю тебя, но ради возможности, которую он воплощал и которая никогда не приходила мне в голову до той ночи, – возможности резкой перемены. Эгоист, опьяненный собственной важностью, думая, что я не смотрю, тихонько брал сухими губами мятные леденцы и безостановочно говорил о себе: он не смог меня одурачить, хотя, надо признать, я этого хотела. Я запросто могла бы его повесить – он дал мне достаточно длинную веревку, – но, конечно же, не повесила его, а подыграла, даже частично поверив в это сама, – ему снова улыбнулась удача, которая явно сопутствовала ему всю жизнь. Мы попрощались в два часа ночи у входа в отель, где он – это было настолько очевидно, что выглядело прямо-таки недостойно, – решил, что ночь, проведенная со мной, не стоит риска подорвать статус-кво. И я легла в кровать и наслаждалась воспоминаниями о его внимании до тех пор, пока не почувствовала, что крыша отеля слетела, а стены рухнули и меня встречает необъятная звездная тьма, отражающая то, что я чувствую.

Почему мы так старательно живем вымыслами? Почему так страдаем от того, что сами изобрели? Ты не знаешь, Джефферс? Всю жизнь я хотела быть свободной и не смогла высвободить даже мизинца. Думаю, Тони свободен, хоть его свобода на вид совершенно непримечательна. Он садится в свой синий трактор и косит высокую траву, которая должна быть убрана к весне, и я наблюдаю, как он в своей большой широкополой шляпе ездит туда-сюда под шум двигателя. Всюду вокруг него расцветают вишневые деревья, маленькие узелки на ветках набухают и распускаются для него, жаворонок взмывает в небо, насвистывая и кружась, как акробат, когда он проходит мимо. А я в это время сижу без дела и смотрю перед собой. Всё, в чем мне удалось достичь свободы, – это избавиться от людей и вещей, которые мне не нравятся. А потом ничего особо и не осталось! Когда Тони работал в саду, я вставала приготовить для него еду, ходила собирать травы и приносила картофель из сарая. В это время года – весной – картофель, хранящийся в сарае, начинает прорастать, хотя мы храним его в полной темноте. Картофель выбрасывает белые плотные ростки, потому что понимает, что сейчас весна, и иногда я смотрю на одну картофелину и думаю: она знает больше, чем большинство людей.

Утром после той ночи в Париже, когда я встала и пошла гулять вдоль реки, я почти не чувствовала землю под ногами: зеленая блестящая вода, обшарпанные наклонные стены из светло-бежевого камня, раннее солнце, освещающее эти стены и меня, – всё вместе это

создавало эффект такой легкости, что я чувствовала себя невесомой. Интересно, похоже ли это на чувство, когда тебя любят, – я говорю о по-настоящему важной любви, той, что получаешь еще до того, как, собственно говоря, начинаешь осознавать себя. В тот момент мне казалось, что я в абсолютной безопасности. Интересно, что именно из увиденного заставило меня чувствовать себя таким образом, когда на самом деле я была далеко не в безопасности? Когда в реальности я мельком увидела зародыш возможности, которая вскоре разрастется и заполнит всю мою жизнь, как рак, поглощая годы, поглощая суть; когда через полтора часа я буду сидеть напротив самого дьявола?

Должно быть, я бродила довольно долго, потому что, когда вернулась на улицу, магазины были уже открыты и в солнечном свете по улице двигались люди и машины. Я была голодной и начала разглядывать витрины в поисках места, где можно поесть. Я не умею справляться с подобными ситуациями, Джефферс: мне трудно удовлетворять собственные потребности. Видя, как другие люди толкаются и требуют то, что им нужно, я решаю, что как-нибудь обойдусь. Я остаюсь на месте, испытывая стыд за потребности – свои и чужие. Звучит нелепо, и я всегда знала, что в кризисной ситуации меня растопчут первой, хотя замечала, что дети тоже так себя ведут и считают потребности собственного тела постыдными. Когда я говорю Тони, что пойду ко дну первой, потому что не стану драться за свою долю, он смеется и говорит, что так не думает. Неужели я так мало знаю саму себя, Джефферс?

В общем, в то утро в Париже было малоллюдно, и на улицах, по которым я ходила, где-то возле Рю-дю-Бак, совершенно негде было купить поесть. Вместо еды в магазинах продавались экзотические ткани, антиквариат и диковины колониальной эпохи, стоящие как зарплата обычного человека за несколько недель, и пахло от них так, как, полагаю, пахнут деньги, и я шла и смотрела на витрины, будто обдумывая в столь ранний час покупку огромной резной деревянной головы африканской работы. Улицы были равномерно погружены то в свет, то в тень, и я шла без цели и направления, стараясь оставаться на солнце. Вскоре я увидела установленный на тротуаре рекламный щит с какой-то репродукцией. Это была репродукция картины Л, Джефферс, и она была частью афиши к выставке его работ в галерее неподалеку. Даже изда- лека я узнала в ней что-то знакомое, хотя до сих пор не могу сказать что: хоть я и слышала об Л, я не помнила, что именно слышала и когда, и не знала ни кто он, ни что он пишет. Тем не менее он заговорил со мной: он обратился ко мне на этой парижской улице, и я последовала за рекламными щитами, от одного к другому, пока не подошла к галерее и не зашла прямо в открытую дверь.

Тебе будет интересно, Джефферс, какая картина была выбрана для афиши и почему она подействовала на меня таким образом. На первый взгляд нет причины, по которой работа Л должна привлечь внимание такой женщины, как я, да и вообще любой женщины – и менее всего, конечно, внимание молодой матери на грани бунта, чье невозможное томление должно было проявиться еще сильнее под воздействием ауры абсолютной свободы, которую создают его картины, свободы стихийно и беззастенчиво мужской вплоть до последнего мазка. Это вопрос, ясного и удовлетворяющего ответа на который всё еще нет – можно разве что сказать, что аура мужской свободы также присуща большинству представлений о мире и о человеческом опыте в нем и что как женщины мы привыкаем переводить ее в нечто узнаваемое для себя. Мы достаем словари и ищем решение, пропускаем те фрагменты, которые не можем проинтерпретировать или понять, и те, на которые, как мы знаем, у нас нет права, и voilà! – тоже становимся частью этого опыта. Мы заимствуем чужой наряд, а иногда прибегаем к откровенному подражанию; и поскольку я никогда не чувствовала себя такой уж женственной, я считаю, что привычка подражать вошла в меня глубже, чем в других, до такой степени, что некоторые мои черты кажутся мужскими. Дело в том, что с самого начала я усвоила, что всё было бы лучше – правильнее, так, как должно быть, – родился я мальчиком. Тем не менее в тот период,

о котором я тебе расскажу, я так и не нашла применения этой мужской части себя, как позже показал мне Л.

Картина, кстати говоря, была автопортретом, одним из тех завораживающих портретов, где он изображает себя с того расстояния, на котором мы обычно держимся от незнакомца. Кажется, будто он почти не ожидал увидеть себя: он смотрит на этого незнакомца взглядом объективным и бесчувственным, как прохожий на улице. На нем обычная клетчатая рубашка, волосы зачесаны назад и разделены на пробор, и, несмотря на холодность восприятия – космическую холодность и одиночество, Джефферс, – в этих деталях, в застегнутой наглухо рубашке, зачесанных волосах, невзрачном лице, не оживленном узнаванием, вся человечность и любовь, какая только есть в мире. Глядя на портрет, я испытала жалость, жалость к себе и ко всем нам: безмолвную жалость, которую мать может ощутить по отношению к своему смертному ребенку, которого так бережно расчесывает и одевает. Это стало последней каплей, переполнившей чашу моего странного возбужденного состояния – я почувствовала, что выпадаю из рамок, в которых жила годами, рамок человеческой причастности к определенной совокупности обстоятельств. С того момента я уже не была погружена в историю собственной жизни и отделилась от нее. Я много читала Фрейда и могла бы уже из него понять, как это глупо, но только картина Л заставила меня действительно это увидеть. Другими словами, я увидела, что я одна, и увидела благо и бремя этого состояния, которые раньше никогда мне по-настоящему не открывались.

Ты знаешь, Джефферс, что меня интересует существование явлений до того, как мы о них узнаем, – отчасти потому, что мне трудно поверить, что они существуют! Если тебя критикуют всё время, с тех пор как ты себя помнишь, становится практически невозможно определить себя во времени и пространстве до того, как эта критика прозвучала. Критика более реальна, чем ты сам: кажется, будто это она создала тебя. Я думаю, многие живут с этой проблемой, и это приводит к всевозможным неприятностям – в моем случае это привело к тому, что мое тело и мозг разделились с самого начала, когда я была еще совсем маленькой. Но я хочу сказать, что картины и другие объекты искусства могут принести облегчение. Они дарят пространство, место, в котором можно находиться, когда всё остальное время и пространство отобрано, потому что критика добралась туда первой. Однако в число этих объектов я не включаю произведения, созданные из слов: по крайней мере, для меня они не имеют того же эффекта, потому что, прежде чем повлиять на меня, они должны пройти через мой разум. Чтобы оценить слова, надо задействовать ум. Ты простишь меня за это, Джефферс?

В то раннее утро в галерее стояла тишина, не было ни души, и солнце лилось сквозь большие окна и образовывало на полу яркие лужи, и я ходила так же радостно, как фавн в лесу в первый день творения. Это была «большая ретроспектива», что, по всей видимости, означает, что ты наконец стал настолько известной фигурой, что можно и умереть – хотя Л тогда еще даже не было сорока пяти. В галерее было по меньшей мере четыре больших зала, но я проглотила их один за другим. Каждый раз, когда я подходила к раме – будь то самый маленький эскиз или самый большой пейзаж, – у меня появлялось одно и то же чувство, хотя всё время казалось, что оно не может повториться. Но оно приходило снова и снова, когда я смотрела на картины. Что это было? Не только чувство, Джефферс, но еще и фраза. После того, что я только что сказала, кажется противоречием утверждать, что ощущение обязательно сопровождается словами. Но эти слова нашла не я. Это картины нашли их где-то внутри меня. Я не знаю, кому они принадлежали или даже кто их произнес – знаю только, что они были произнесены.

На многих картинах были изображены женщины, часто одна и та же женщина, и чувства, которые вызывали у меня эти портреты, были более узнаваемы, хотя всё равно оставались какими-то безболезненными и отделенными от тела. На одном небольшом наброске, выполненном углем, женщина спала, и ее темная голова казалась лишь пятном забытья на смятом постельном белье. Признаюсь, что-то вроде безмолвного горького плача вырвалось из моего

сердца при виде этого изображения страсти, которая, казалось, воплощала всё, чего я не знала в жизни, и неизвестно, узнаю ли когда-нибудь. На многих портретах размером побольше Л изображает темноволосую довольно полную женщину – а часто и себя вместе с ней, – и у меня возник вопрос, не было ли это пятно на кровати, почти стертые желанием, той же самой женщиной. Обычно на ней маска или лицо чем-то скрыто; иногда она, кажется, любит его, а иногда просто терпит. Но его желание, когда оно возникает, затмевает ее.

Однако громче всего я слышала эту фразу при виде пейзажей, и именно эти образы тлели в моей памяти долгие годы, пока не настало время, о котором я хочу рассказать тебе, Джефферс, когда вокруг меня вспыхнул пожар. Как религиозны пейзажи Л! Если, конечно, человеческое существование может быть религией. Когда он пишет пейзаж, он вспоминает, как смотрел на него. Только такими словами я и могу описать эти картины, то, какими я их видела, какие чувства они у меня вызывали. Ты, несомненно, справился бы гораздо лучше. Но смысл в том, чтобы ты понял, как так получилось, что воспоминание об Л и его пейзажах всплыло спустя все эти годы в другом контексте, когда я жила на болоте с Тони и думала совсем иначе. Теперь я понимаю, что влюбилась в болото Тони, потому что оно обладало точно таким же свойством: в нем было что-то вызванное из памяти, что-то общее и неразрывно связанное с самим моментом бытия. Я бы никогда не смогла его запечатлеть и не знаю, зачем мне это вообще нужно, но это самый хороший из доступных нам сейчас примеров детерминизма в человеческой жизни!

Тебе наверняка интересно, Джефферс, что за фраза сошла с картин Л и так ясно мне себя выразила. Это была фраза «Я здесь». Я не буду объяснять, что, по-моему, означают эти слова или к кому они обращены, потому что это было бы попыткой помешать им жить.

Однажды я написала Л, пригласив его приехать к нам на болото.

Уважаемый Л,

Ваш адрес мне передал Ричард С – кажется, мы оба его хорошо знаем. Я впервые познакомилась с вашими работами пятнадцать лет назад, когда одна из них выдернула меня с улицы и привела к новому пониманию жизни. И это не фигуральное выражение! Сейчас я и мой муж Тони живем в месте, где царит великолепная, но почти неуловимая красота, где художники обретают волю, энергию или просто возможность работать. Я бы хотела, чтобы вы приехали сюда и увидели его своими глазами. Наш пейзаж из тех загадок, которые влекут к себе, но люди полностью упускают из виду его суть. В нем есть запустение, покой и тайна, и пока он никому не раскрыл свой секрет. Дважды в день море заливает наше побережье, заполняет русла его рек и расщелины и уносит – или так мне нравится думать – свидетельства работы его мысли. Последние несколько лет я гуляю по болоту каждый день, и пейзаж еще ни разу не был одинаковым. Художники постоянно пытаются написать его, но в конечном итоге у них получается изобразить только содержимое собственного сознания – они стремятся найти в нем драму, или историю, или нечто исключительное, но всё это наносное по отношению к характеру пейзажа. Я представляю наше болото огромной шерстяной грудью какого-то спящего бога или животного, и его движения – это глубокое, медленное сомнамбулическое дыхание. Это просто мои мысли, но они вселяют в меня смелость заподозрить, что вы сможете их разделить и что здесь есть что-то для вас – возможно, только для вас.

Мы живем просто и комфортно, и у нас есть второе место, где останавливаются гости: там они при желании могут проводить время в одиночестве. У нас было множество гостей, которые приезжали сюда работать. Иногда они остаются на несколько дней, а иногда на несколько месяцев. Мы не следим за календарем, и пока что он нам вроде и не нужен – всё идет как идет. Я повторяю, вы сможете жить здесь в полном одиночестве, если захотите. Лето – лучший сезон, и желающих приехать к нам в это время больше. Если хотите, я могу рассказать подробнее,

где находится дом, что здесь есть, как сюда добраться и так далее. Мы живем в глуши, хотя в нескольких милях отсюда есть маленький город, где можно найти блага цивилизации, если они вам нужны. Люди часто говорят, что это одно из последних мест.

М

Он ответил почти сразу, Джефферс, что меня немного удивило. Я даже задумалась, кого еще я могла бы призвать, просто сев и сосредоточив на них свою волю!

М,

Я получил ваше письмо и прочел его на террасе нового ресторана в Малибу, прикрывая глаза ладонью, чтобы не видеть кровавый закат, который вызывал ассоциации с адским пламенем и серой. Я в Лос-Анджелесе, монтирую новую выставку, которая открывается через пару недель. Воздух здесь чудовищно загрязненный. Ваше шерстяное болото кажется отличной альтернативой.

Я уже много лет не видел Ричарда С. Не знаю, чем он сейчас занимается.

Так вышло, что сейчас я один и готов взяться за какой-нибудь проект. Хочу попробовать что-то новое. Возможно, мне как раз подойдет то, что вы предлагаете. Интересно, что именно выдернуло вас с улицы.

В любом случае расскажите обо всем подробнее. Судя по всему, вы живете обособленно, но я пока еще нигде не чувствовал себя более свободным и не жил в большем уединении, чем в Нью-Йорке. Там у вас действительно никого нет или же этот маленький город, который вы упомянули, служит гаванью для творческих личностей?

В любом случае буду ждать ответа.

Л

Р. С.: Моя галеристка говорит, что была где-то в ваших краях. Это возможно? По вашему рассказу создается такое впечатление, что едва ли она туда поехала бы.

Я ответила ему, рассказав больше о себе, о Тони, о нашей жизни здесь и о том, чего от нас ожидать, и как могла описала второе место. Я приложила все усилия, чтобы не преувеличивать, Джефферс: Тони объяснил, что мое желание угодить людям, заверяя их, что дела обстоят лучше, чем на самом деле, приводит только к разочарованию, причем в большей степени для меня самой, нежели для них. Это форма контроля, как и великодушие.

Мы построили второе место, когда Тони купил участок, граничащий с нашим, чтобы предотвратить грубую эксплуатацию земли. Правила ведения хозяйства здесь строгие, но люди, конечно, находят всевозможные способы их обойти. Самый обычный – посадить деревья, а потом вырубить их ради прибыли: эти чахлые худосочные деревца быстро вытягиваются ровными рядами, как солдаты, а потом так же быстро, как солдаты, падают, и от них остаются ампутированные обрубки. Мы не хотели, чтобы эти бедные солдаты день и ночь маршировали на смерть у нас под окнами. Поэтому мы купили участок, чтобы вернуть его природе, но как только начали убирать колючие кусты и поваленные деревья, наткнулись на нечто совершенно неожиданное. Тони позвал знакомых, которые всегда помогают друг другу, когда требуется выполнить тяжелую физическую работу. Некоторые из кустов были высотой в двадцать футов, Джефферс, и, пытаясь защититься, они исцарапали мужчин чуть ли не до смерти, но, когда их всё-таки вырезали, под ними обнаружилось множество разных вещей. Мы нашли красивую полусгнившую парусную лодку и два старых автомобиля, а затем аж целый дом, погребенный под горой плюща! Мы обнаружили оболочку чьей-то жизни, и вдобавок оказалось, что вид на болото оттуда лучше, чем с нашего участка. Я часто гадала, кто же тот человек, чья жизнь была предана такому глубокому забвению, что буквально ушла под землю. Машины успели почти полностью проржаветь, что выглядело своеобразно, и мы не стали их трогать и скосили

траву вокруг, чтобы их было видно; так же поступили и с лодкой, которая стояла на вершине склона, подняв нос к морю. Я всегда видела в ней что-то немного меланхоличное, она будто взывала к кому-то или чему-то вне досягаемости; а машины продолжали величественно разваливаться на части, будто решительно настроились открыть какую-то собственную правду. Домик был довольно убогим и выглядел грустным, и мы быстро поняли, что его нужно переделывать, чтобы избавить его от этой ужасной, почти человеческой грусти. Внутри всё почернело от огня, и у мужчин возникла теория, что в нем окончил свои дни прежний хозяин. Поэтому они снесли дом и под руководством Тони построили новый.

Вы с Тони никогда не встречались, Джефферс, но думаю, вы бы поладили: он очень практичен, как и ты, не буржуазен и совсем не пренебрежителен, в отличие от большинства буржуа, которые насквозь пропитаны пренебрежением. Он не проявляет такой слабости, и ему даже не нужно чем-то пренебрегать, чтобы получить над этим власть. У него есть, однако, набор «убежденностей», которые исходят из его знаний и положения и которые могут быть очень полезными и даже успокаивать до тех пор, пока не выступишь против них! Я никогда не встречала человека, который был бы так мало обременен стыдом, как Тони, и так мало склонен вызывать чувство стыда в других. Он не делает замечаний и не критикует, и на фоне большинства людей это создает эффект океана молчания. Иногда его молчание заставляет меня чувствовать себя невидимой, не для него, а для себя самой, потому что, как я уже говорила, меня критиковали всю жизнь, и это дает мне понять, что я существую. Но поскольку я одна из его «убежденностей», ему трудно поверить, что я могу сомневаться в собственном существовании. «Ты просишь меня критиковать тебя», – говорит он мне иногда после очередной моей вспышки. И на этом всё!

Я рассказываю тебе это, Джефферс, потому что это имеет отношение к строительству второго места и к тому, для чего мы решили его использовать – а именно в качестве пристанища для того, чего здесь пока не было, для чего-то более возвышенного, или так я представляла, что появилось в моей жизни и так или иначе стало мне дорого. Я не имею в виду, что мы планировали основать какое-то сообщество или утопию. Просто Тони понял, что у меня есть свои интересы, и то, что он доволен нашей жизнью на болоте, автоматически не означает, что и я тоже. Мне было нужно хоть немного соприкоснуться с понятиями искусства и общаться с людьми, которые живут этими понятиями. И эти люди действительно приезжали, и мы общались, хотя всегда казалось, что им больше нравился Тони, чем я!

Когда люди женятся молодыми, Джефферс, их брак вырастает из общего корня молодости, и становится невозможно отличить, где ты, а где другой человек. Так что при попытке отделиться друг от друга разрыв пройдет от корней до самых концов веток, и в результате этого мучительного процесса ты лишишься половины того, чем был раньше. Но когда вступаешь в брак позже, это больше похоже на встречу двух личностей, сформировавшихся независимо: вы сталкиваетесь друг с другом, как сталкиваются и в течение геологической эпохи сливаются целые массивы суши, а большие величественные швы горных хребтов становятся свидетельством этого слияния. Это не столько органический процесс, сколько пространственное событие, внешнее проявление. Люди могли жить внутри нашей семьи и так близко ко мне и Тони, как никогда бы не смогли обжечь темное ядро – живое или мертвое – традиционного брака. В наших отношениях было много открытости, но это создавало и определенные трудности, естественные трудности, которые нужно было преодолеть: чтобы добраться друг до друга, приходилось строить мосты и пробуривать тоннели. Второе место было одним из таких мостов, перекинутым через молчаливость Тони, как через реку.

Второе место стоит на пологом склоне, выше главного дома, и отделено от него пролеском, через который в наши окна каждый день пробивается утреннее солнце; и через него же оно светит на закате в окна второго места. Окна там идут от пола до потолка, так что огромная горизонтальная полоса болота и его жизнь – пространства цвета и света, скопления грозо-

вых туч, огромные стаи морских птиц, которые парят в вышине или опускаются на его шкуру белыми пятнышками, море, которое бушует белой пеной на самой дальней линии горизонта, а иногда надвигается, безмолвно поблескивая, пока не покроет всё стеклянным листом воды, – кажется, всё это в одной комнате с тобой.

Окна были одной из «убежденностей» Тони, а я была против с самого начала, потому что считаю, что дома должно быть в первую очередь уютно, чтобы в нем можно было забыть о том, что снаружи. Отсутствие уединения беспокоило меня, особенно ночью, когда включен свет и приходится всё время напоминать себе, что ты у всех на виду. Я и сама сильно боюсь смотреть на людей, когда они не знают, что на них смотрят, и узнавать о них то, что предпочла бы не знать! Но для Тони вид из окна имеет своего рода духовное значение, это не то, что ты описываешь или о чем рассказываешь, а то, в соответствии с чем живешь, так что сам вид наблюдает за тобой и включается во всё, чем ты занимаешься. Я часто вижу, как он делает паузу, когда колет дрова или возится с овощами, ненадолго поднимает глаза и окидывает взглядом пейзаж, а затем возвращается к своим делам; так что мы едим болото вместе с овощами и греемся вместе с ним вечером у камина.

Тони не стал слушать меня по поводу окон и даже притворился, будто не слышит, и после, когда я поднимала эту тему и жаловалась, как много неудобств доставляют окна, он молча давал мне высказаться и говорил: «Мне они нравятся». Думаю, всё же он признавал, что мог быть неправ. Когда к нам приехал первый гость, музыкант, который пытался записать и воспроизвести пение птиц и который превратил весь дом в студию, заваленную большими черными коробками, какими-то невероятными пультами и мигающими лампами, я решила принести ему почту и, пробираясь между деревьями, увидела в окно, как он совершенно голый стоит у плиты и жарит яйца! Я бы тихонечко вернулась назад, но он заметил меня в тот же момент, что и я его, так что пришлось подойти к двери и отдать ему, догола раздетому, почту, так как он явно решил делать вид, что ничего необычного не произошло.

А возможно, ничего и не произошло, Джефферс, – возможно, в мире полно таких людей, как Тони и этот мужчина, которые считают, что нет ничего такого в том, чтобы смотреть на других или быть у всех на виду, хоть в одежде, хоть без!

После этого случая мне разрешили повесить занавески, и я очень гордилась красивыми занавесками из бледного плотного льна, хотя знала, что Тони они раздражали. Полы были сделаны из широких каштановых досок, которые мужчины сами нарезали и отшлифовали, стены покрыты белой известковой штукатуркой, а все шкафы и полки были из того же каштана, так что пространство казалось очень теплым и натуральным, всё красивое, и фактурное, и душевное, а вовсе не стерильное и безликое, как бывает в некоторых домах после ремонта. Мы сделали одну большую комнату с плитой и камином, куда поставили удобные стулья и длинный деревянный стол, чтобы есть и работать за ним; а также маленькую спальню и ванную комнату с хорошей старой чугунной ванной, которую я нашла на барахолке. Всё выглядело так свежо и красиво, что мне хотелось самой туда переехать. Когда всё было готово, Тони сказал:

– Джастина решит, что мы построили этот дом для нее.

Не могу сказать, что не думала о том, как отреагирует моя дочь, но мне уж точно не приходило в голову, что она может подумать, что это в ее честь! Хотя, как только Тони это сказал, я поняла, что так и есть, и мгновенно почувствовала себя виноватой, но тут же твердо решила, что не дам ничего у меня украсть. Эти два чувства, всегда идущие парой, чтобы уж наверняка оглушить меня и связать мне руки, мучили меня с самого начала, когда Джастина только появилась на свет и, казалось, хотела занять мое место, только я пришла туда первая. Я не могла примириться с тем фактом, что, только оправившись от собственного детства, наконец выбравшись из этой ямы и впервые ощутив на лице лучи солнца, ты должен уступить это место под солнцем младенцу, которого намерен оградить от тех страданий, что достались тебе, а для этого надо залезть в новую яму – яму самопожертвования! В то время Джастина только

окончила колледж и отправилась работать в Берлин, но часто приезжала в гости с каким-то потерянным видом, как будто испытывала острую потребность в чем-то, как человек, который ищет, где бы сесть, пока ждет поезда на людной станции. Какое бы хорошее место я ей ни находила, ей всегда больше нравилось мое. Я стала думать, не предложить ли ей второе место, чтобы сразу покончить с этим, но так вышло, что она влюбилась в некоего Курта и тем летом совсем не приезжала, и так началась наша новая жизнь, и мы стали приглашать к себе гостей.

В своем письме к Л я, разумеется, не стала вдаваться во все эти подробности и написала только о том, что, мне казалось, ему нужно знать. Несколько недель он не отвечал, жизнь шла своим чередом, а затем вдруг написал, что придет, причем уже в следующем месяце! К счастью, в это время мы с Тони не ждали гостей, так что начали суетиться: перекрашивать стены, заново натирать воском полы, отмывать до блеска окна с помощью газеты и уксуса. На вишневых деревьях распустились первые бутоны, пролесок был полон прекрасных розовых и белых цветов, и мы срезали несколько веток, поставили их в большие глиняные кувшины и даже развели огонь в камине. От мытья окон у меня болели руки, и мы ложились спать настолько уставшими, что у нас почти не было сил приготовить себе еду.

Потом Л написал снова:

М,

Всё-таки я решил поехать в другое место. У одного моего знакомого есть остров, где, как он говорит, я могу пожить. На этом острове, судя по всему, настоящий рай. Так что я собираюсь побыть Робинзоном Крузо. Жаль, что не смогу приехать к вам на болото. Я продолжаю встречать людей, которые знают вас и говорят, что вы вполне ничего.

Л

Что ж, мы смирились, Джефферс, хотя не скажу, что я забыла об этом – лето оказалось самым жарким и прекрасным за последние годы, по вечерам мы жгли костры, спали на улице под пульсирующим звездами небом, плавали в приливных реках, и я постоянно думала о том, что было бы, будь с нами Л, и как бы он смотрел на всё это. Вместо Л во втором месте остановился писатель, и мы почти его не видели. Он проводил все дни в доме с зашторенными окнами, даже в самую жаркую погоду, – наверное, спал! Но я часто думала об Л и о том, каков этот рай у него на острове, и, хотя наш собственный дом тем летом был вполне похож на рай, я думала об этом острове с завистью. Как будто до меня доносился бриз, несущий с собой мучительный запах свободы, – и вдруг мне показалось, что эта мука не давала мне покоя слишком долго. Я почувствовала, что всё разрушила, и стала бегать туда-сюда в поисках этой свободы, как укушенный пчелой человек, который бегаёт и рвет на себе одежду, демонстрируя свою боль другим людям, которые не знают, в чем дело. Я пыталась заставить Тони говорить со мной – я ощущала острую потребность высказаться, проанализировать свои чувства, достать их на поверхность, где я могла бы осознать их и разобраться с ними. Как-то вечером, когда мы ложились спать, я в ярости наговорила Тони множество ужасных вещей о том, как мне одиноко и как я устала от того, что он никогда не уделяет мне такого внимания, которое заставляет женщину чувствовать себя женщиной, а просто ожидает, что я буду всё время рождаться заново, как Венера из раковины. Будто бы я знаю, что заставляет женщину чувствовать себя женщиной! В конце концов я ушла спать на диван вниз, стала думать о своих словах и о том, что Тони никогда не пытался причинить мне боль или контролировать меня, и в итоге снова побежала наверх, залезла к нему в кровать и сказала:

– Тони, прости, что наговорила тебе все эти ужасные вещи. Я знаю, как хорошо ты относишься ко мне, и не хочу тебя ранить. Просто иногда мне нужно говорить, чтобы чувствовать себя реальной, и я бы хотела, чтобы ты говорил со мной.

Он молча лежал в темноте и смотрел в потолок. Потом сказал:

– Я чувствую, что мое сердце постоянно разговаривает с тобой.

Вот так-то, Джефферс! Тони и правда считает разговоры и сплетни ядом, и это одна из причин, по которой он так нравится нашим гостям: он действует как своего рода противоядие от их привычки отравлять себя и других, и они чувствуют себя намного лучше. Но для меня всё же существует здоровый разговор, пусть это и редкость, – разговор, в котором люди создают себя через высказывания. Такие беседы часто бывали у меня с художниками и другими людьми, приезжавшими к нам на болото, хотя они были вполне способны и на ядовитые разговоры и нередко их заводили. Но я не возражала, так как у нас было достаточно возможностей для сочувствия друг другу, преодоления самих себя и единения посредством языка.

Осенью я, к своему удивлению, получила еще одно письмо от Л:

М,

В общем, рай не оправдал ожиданий. Я устал от этого песка. Вдобавок мне в порез попала инфекция. Меня эвакуировали на гидросамолете и доставили в больницу. Шесть недель в больнице, время потрачено впустую. Жизнь проходила за окнами. Теперь я еду в Рио, у меня там выставка. Я никогда не был в этой части света, но, похоже, будет весело. Возможно, останусь на зиму.

Л

Только я немного успокоилась, а теперь начала день и ночь представлять Рио-де-Жанейро, жаркий и шумный, распутный и полный разнузданного веселья! Пошли дожди, деревья оголились, и над болотом застонал зимний ветер. Иногда я доставала каталог работ Л, смотрела на картины и испытывала то же ощущение, которое они всегда во мне вызывали. Конечно же, наши мысли и чувства занимал миллион других вещей и происшествий, но здесь меня волнуют мои взаимоотношения с Л, и я хочу показать тебе, какими они были. Я не хочу произвести впечатление, что думала о нем больше, чем на самом деле. Мысли о нем – а на самом деле о его работе – были цикличны, как стремление к самоопределению. Они начали определять мое одинокое «я» и снабдили его своего рода непрерывностью.

Тем не менее я почти уже отказалась от надежды, что Л приедет туда, где я, и посмотрит на всё собственными глазами, и это наконец завершит мое самоопределение и даст мне – или так я, по крайней мере, верила – ту свободу, о которой я мечтала всю жизнь. Он написал мне пару раз зимой, рассказывая обо всём, что делает в Рио, а однажды даже пригласил меня туда приехать! Но я не собиралась ехать ни в Рио, ни куда бы то ни было, и письмо рассердило меня, потому что выставило меня заурядной, а также потому, что его тон заставил меня скрывать его от Тони. Думаю, это означало, что он почему-то боялся меня и, обращаясь со мной так, как, видимо, привык обращаться с другими женщинами, он пытался снова почувствовать опору под ногами.

События той зимы всем известны, так что нет нужды повторяться, разве что следует сказать, что мы ощутили их влияние в меньшей степени, чем большинство людей. Мы к тому времени уже упростили нашу жизнь, но для других процесс упрощения был жестоким и мучительным. Единственное, что меня действительно выводило из себя, так это то, что теперь стало сложно куда-то поехать – и ведь не то чтобы мы часто куда-то ездили! Но я тем не менее чувствовала потерю этой свободы. Ты знаешь, Джефферс, что у меня нет своей страны и толком нет чувства принадлежности ни к какому месту, так что вместе с осознанием, что я никуда не могу выбраться, возникло ощущение, что я в заточении. Также из-за этих событий людям стало сложнее приезжать к нам, но к тому времени Джастина была вынуждена вернуться

из Берлина и привезла с собой Курта, так что мы отдали им второе место, как это было решено изначально.

Весной я получила письмо.

М,

Все будто сошли с ума. Может, у вас всё иначе. Но у меня всё брюхом кверху, как любит выражаться мой английский друг. Вся ценность отовсюду стерта, как слой накипи. Я лишился дома, а также участка за городом. Впрочем, я всегда чувствовал, что они мне не принадлежат. На днях я услышал, как кто-то на улице сказал, что эта глобальная свистопляска полностью изменит характер Бруклина. Ха-ха!

К вам еще можно? Думаю, я смогу до вас добраться. Я знаю как. Надо ли мне платить за проживание?

Л

Так как отчасти это история о желаниях и последствиях их изъяснения, ты заметишь, Джефферс, что всё, чего я пожелала, в итоге произошло, но не так, как я хотела! Думаю, вот в чем разница между художником и обычным человеком: художник может создать во внешнем мире точную копию своих идей. Остальные просто создают что-то невнятное или безнадежно деревянное, какой бы блестящей ни была идея. Это не значит, что у каждого из нас нет той сферы, в которой он мог бы реализовать себя инстинктивно, прыгнуть не глядя, но создать нечто способное просуществовать долго – достижение совсем иного порядка. Ближе всего большинство людей подходят к нему, когда заводят ребенка. И тогда-то наши ошибки и ограничения проявляются отчетливее всего!

Я села за стол с Джастиной и Куртом, объяснила, что случилось, и сказала, что им всё-таки придется переехать в большой дом. Джастина, разумеется, хотела знать, почему Л не может жить с нами. Я и сама не знала до конца почему, но одна только мысль об этом – о том, что я, Тони и Л будем жить в непосредственной близости, – заставляла меня съежиться, как, впрочем, и попытка объяснить Джастине, почему это невозможно. Я ощутила себя старой, старше самого древнего памятника – вот такое ощущение вызывают в нас дети, когда мы еще время от времени позволяем себе собственное уникальное чувство. В такие моменты меня подводит язык, тот родительский язык, который я давно забросила, так что он стал похож на ржавый двигатель, который не заводится, когда нужно. В тот момент я не хотела быть ничьим родителем!

Неожиданно на помощь пришел Курт. Я особо не разговаривала с ним до этого момента, полагая, что меня не касается, кто он и что собой представляет, хотя каким-то образом он постоянно давал понять, что думает совершенно не то, что говорит, и мне это как-то не слишком нравилось. Мне казалось, что не стоит так гордиться тем, насколько это несовпадение очевидно. Он был довольно худым и изящным, элегантно одевался, и что-то птичье было в его длинной хрупкой шее, носе, похожем на клюв, и в великолепном наряде. Он повернулся к Джастине и, по-птичьи склонив голову набок, сказал:

– Джастина, они не могут жить в одном доме с совершенно незнакомым человеком.

Это было благородно с его стороны, учитывая, что он сам был совершенно незнакомым человеком, и я обрадовалась, что он сформулировал то, что думала я сама, – это позволило мне снова почувствовать себя в здравом уме. И Джастина, золотце, подумала с минуту и послушно согласилась, что, пожалуй, так и есть, так что благовоспитанность Курта даже оказала неожиданное воздействие на моего собственного ребенка – я осталась под впечатлением. Если бы только на его лице не было этого угодливого, фальшивого выражения.

Мы получили еще одно короткое письмо от Л, в котором он подтвердил свои планы и указал дату приезда. Так что мы с Тони стали готовить второе место, хоть и верили в приезд Л уже немного меньше, так как принять гостя нам тогда казалось большой удачей. Вишневые деревья в пролеске были покрыты розово-белой пеленой, высоко среди стволов стояли копыя весеннего солнечного света, повсюду раздавалось пение птиц; мы работали и говорили, что с того момента, как мы в первый раз готовили дом для Л и так простодушно ждали его, прошел почти год. Тони признался, что с тех пор он уже и сам пожелал приезда Л, и я не могла бы удивиться сильнее и осознать еще отчетливее, что любовь – это фатальная слабость, потому что Тони не тот, кто легкомысленно вмешивается в ход вещей, зная, что брать на себя работу судьбы – значит нести полную ответственность за последствия.

Одна почему причин, так сложно рассказать о том, что случилось, Джефферс, состоит в том, что рассказ следует за событием. Это может показаться слишком очевидным и потому глупым, но я часто думаю, что можно столько же сказать о том, что, по твоим предположениям, должно было случиться, сколько о том, что в действительности случилось. И всё же, в отличие от дьявола, эти ожидания не всегда оставляют глубокий след: от них избавляются в тот момент, когда с ними расстаются в жизни. Если я постараюсь, то смогу вспомнить, чего ожидала от встречи с Л, каково, как мне тогда казалось, будет находиться рядом и жить бок о бок с ним. Я почему-то представляла себе это в темных тонах, возможно, потому, что в его картинах их очень много и что черный цвет у него, как ни странно, выглядит энергично и радостно. А еще в эти несколько недель я, кажется, размышляла об ужасных годах до встречи с Тони, о которых в последнее время уже не так часто вспоминала. Те годы начались, так сказать, с картин Л и моего лихорадочного знакомства с ними в то солнечное утро в Париже. Было ли это величественным завершением периода зла, знаком того, что теперь я полностью восстановилась?

Эти чувства побудили меня за несколько дней до приезда Л поговорить с Джастиной о том, что произошло, куда откровенней, чем когда-либо. Не то чтобы родительская откровенность многое гарантирует! По-моему, дети, как правило, безразличны к родительским признаниям и уже давно составили собственное мнение или сформулировали ложные убеждения, от которых уже не отрекутся, так как на них основана вся их концепция реальности. Я могу принять все попытки сознательно отрицать очевидное, самообман и желание в кругу семьи называть черное белым, потому что на этом волоске висит наша вера в себя. Другими словами, Джастина не могла позволить себе знать определенные вещи и поэтому запрещала себе узнавать о них, даже несмотря на то, что сосуществующие в ней побуждения – быть постоянно рядом со мной и не доверять мне – всегда противоречили друг другу.

Я никогда не испытывала потребности быть правой, Джефферс, или выигрывать, и я очень нескоро осознала, какой белой вороной это меня делает, особенно в сфере родительства, где самомнение – будь оно нарциссического или жертвенного типа – стоит во главе всего. Иногда я чувствовала, будто на том месте, где должно быть самомнение, у меня только огромная пустота авторитета. Мое отношение к Джастине было более или менее типичным для меня: его диктовала упрямая вера в то, что истина в какой-то момент восторжествует. Проблема в том, что это может занять всю жизнь. Когда Джастина была маленькая, в наших отношениях было ощущение пластичности, движения, но сейчас, когда она стала молодой женщиной, время будто внезапно истекло, и мы замерли в тех позах, в которых оказались в момент его остановки, как в игре, где участники двигаются позади ведущего и застывают на месте, когда он оборачивается. Вот она, воплощение моей жизненной силы, не подверженная дальнейшим изменениям; а вот я, которая не в силах объяснить ей, как именно она получилась такой, какая есть.

Ее отношения с Куртом, однако, позволили мне посмотреть на Джастину под другим углом зрения. Я уже говорила, что Курт вел себя со мной так, будто всё обо мне знает, и я решила, что он исходит из всего того, что Джастина рассказала ему и чего он не имел права знать. Сначала он и к Тони относился как к особенному экземпляру, своего рода экзотическому пришельцу, и имел раздражающую привычку слегка улыбаться, когда смотрел, как Тони занимается своими делами. Тони отвечал тем, что сдавал карты мужественности и вынуждал Курта их брать.

– Курт, можешь помочь мне сложить дрова? – говорил Тони, или, – Курт, нужно отремонтировать заборы на нижнем поле, и одному мне не справиться.

– Конечно! – отвечал Курт с легкой иронией, поднимаясь со стула и аккуратно подворачивая свои идеально выглаженные брюки.

Как и следовало ожидать, в таком режиме у него вскоре развилась детская привязанность к Тони, и он начал гордиться собственной ловкостью и тем, что приносит пользу, хотя Тони не собирался так легко отпустить его.

– Тони, давай прополем грядки у фруктового сада? Я заметил, что там всё заросло сорняками, – говорил он, когда Тони читал газету или ничем не был занят.

– Не сейчас, – отвечал Тони совершенно невозмутимо.

Видишь ли, Джефферс, Тони отказывается воспринимать что бы то ни было как игру, и таким образом он показывает, как много другие люди играют в игры и как все их представления о жизни вытекают из субъективности состояния игрока. Если порой это означает, что он не может присоединиться к веселью, не беда: стрелка компаса всегда отклоняется в его сторону, потому что жизнь, в конце концов, серьезная штука, и без здравого смысла и практичности Тони веселье в любом случае закончится довольно быстро. Но я люблю веселье, мне оно нужно, и я не такая практичная, как Тони, и поэтому часто оказываюсь без дела. Без дела! Я страдаю от этого с того самого момента, как приехала жить на болото. Я слишком много времени провожу в ожидании.

Я решила попробовать узнать Курта получше, но сразу же встретила непреодолимое препятствие.

– Курт, где ты вырос?

– Мне повезло вырасти в полной семье.

– Что делает твоя мать? Чем занимается?

– Моя мать многого добилась в своей сфере и вместе с тем успевала посвящать себя семье.

Я никем так не восхищаюсь, как ей.

– А твой отец?

– Мой отец построил свой бизнес и теперь свободен делать всё, что приносит ему радость.

И так далее, Джефферс, до бесконечности – все эти позитивные утверждения, каждое с крошечным осколком внутри, который как будто предназначался специально для меня. Джастина была с Куртом на удивление покладистой и ласковой, бросала все занятия и кидалась к нему по первому зову. Иногда я смотрела, как они идут вместе через пролесок или спускаются к болоту, склонив головы, и мне казалось, они выглядят как пожилая пара, маленький старый муж и его жена, подводящие итоги на последнем отрезке жизни. По утрам она даже носила ему чай в спальню! Но они оба потеряли работу, и им были нужны деньги, и как бы нам ни нравилось жить с ними, пока они не придумали новый план, они продолжали жить на нашей территории и на наши деньги, и мы все четверо это знали.

Л написал, что приедет на пароме! Мы были немного озадачены, так как большинство паромов, курсирующих на дальние расстояния, пока не ходили, и мы ожидали, что он приедет другим способом. Но тут он написал, что прибудет в портовый городок, расположенный на юге в двух часах езды от нас, и спросил, можем ли мы его встретить.

– Должно быть, это частный катер, – сказал Тони, пожимая плечами.

Настал день, и мы с Тони сели в машину, оставив Джастину и Курта хозяйничать до вечера. Они согласились приготовить ужин к нашему приезду, и мне было интересно, каким будет этот ужин вместе с Л. Наша машина, Джефферс, скорее не машина, а фургон – старая коробка с огромными колесами, которая может проехать везде и потому очень практичная, только не на шоссе, где она начинает трястись и шуметь, как только разогнаешься до скорости более сорока миль в час. Заднее сиденье в ней совсем крошечное, наподобие скамьи, так что я сразу решила, что сама сяду там на обратном пути и пущу Л вперед рядом с Тони. Путешествие на такое большое расстояние было медленным, мы с Тони то и дело останавливались и выходили на улицу успокоить взболтанные мозги. Дорога в основном проходит вдоль берега, и вид там изумителен: крутые склоны и резкие обрывы, большие округлые зеленые холмы, прячущие в своих изгибах старые деревья и спускающиеся прямо к морю. Стояла прекраснейшая весенняя погода, и, когда мы вышли из фургона, с моря дул прямо-таки приятный ветерок. Небо над нами было словно голубой парус, внизу о камни разбивались волны, и вода отливала таким блеском, который явно предвещает лето. Нам с Тони несказанно повезло быть там вместе – самоизоляция моментально оплачивает свой долг перед нами такими мгновениями, как это. Головокружительный зеленый пейзаж, полный движения и света, резко контрастирует с нашим скромным болотом, хотя он находится совсем чуть-чуть южнее нас; этот вид всегда бодрит и заряжает, но всё же мы бываем здесь намного реже, чем могли бы. Интересно, почему, Джефферс? Закономерность перемен и повторений глубоко связана с определенной гармонией жизни, и реализация свободы зависит от нее, как от дисциплины. Перемены нужно пробовать умеренно, как крепленое вино. Я плохо осознавала это до появления в моей жизни Тони: я понятия не имела, почему всё получается так, как получается, почему в одно мгновение меня переполняет чувство, а в следующее я страдаю от его недостатка, откуда берется печаль или радость, какой выбор полезен для моего здоровья и благополучия, а какой губителен, почему я делаю то, что не хочу, и не делаю то, что хочу. Меньше всего я понимала, что такое свобода и как ее обрести. Я думала, что это просто разрядка, облегчение, тогда как на самом деле – как тебе хорошо известно – это прибыль, которую приносит упорное следование законам создания и глубокое их понимание. Натренированные пальцы пианиста свободнее, чем когда-либо сможет стать поработанное сердце любителя музыки. Видимо, это объясняет, почему великие творцы бывают такими отвратительными людьми и вызывают такое разочарование. Жизнь редко дает достаточно времени или возможностей обрести свободу несколькими способами.

Мы приехали в город немного заранее, съели сэндвичи, сидя на волнорезе, а в назначенный час пришли в порт встречать Л. Мы стояли в зоне прибытия и спрашивали, какие паромы стоят в расписании, но никто ничего не знал о пароме, на котором мог бы приплыть Л. Мы настроились на долгое ожидание: не зная, на чем именно он приплывает, мы не рассчитывали на особую пунктуальность.

Я попробую описать тебе, Джефферс, как мы выглядели, чтобы ты мог увидеть нас глазами Л. Как минимум у Тони очень необычная внешность! Он крупный, высокий и сильный благодаря физической работе, и у него длинные седые волосы, которые остаются нестриженными до тех пор, пока я не возьму в руки ножницы. Он говорит, что его волосы поседел уже в двадцать с небольшим. Они довольно тонкие и шелковистые, почти как у женщины, и имеют едва заметный голубой оттенок. У него темная кожа – он единственный темнокожий человек в округе, – младенцем его усыновила местная семья. Он понятия не имеет о своем происхождении и никогда не пытался его выяснить. Родители не говорили, что усыновили его, никто никогда этого не упоминал, и жили они довольно изолированно, так что он только к одиннадцати-двенадцати годам начал понимать, что отличается от них! Я видела фотографии коренных американцев, и больше всего он похож на них, хотя я понятия не имею, как это возможно. Его скорее можно назвать некрасивым, нежели красивым, в нем есть постоянство и достоинство уродства, но в целом у него всё равно благообразный вид, если ты понимаешь, о чем я.

У него большое лицо с тяжелыми выдающимися чертами, за исключением маленьких суровых глаз, которые как будто вглядываются куда-то вдаль. Зубы у него кривые, потому что в детстве его почти не водили к стоматологу. Детство у него было совершенно счастливое. Он вырос рядом с домом, в котором мы живем сейчас, и не ходил в школу, так как у его родителей были определенные убеждения по поводу образования и они учили его на дому. У них был и родной ребенок, мальчик одного с Тони возраста, и оба они росли вместе, один белый, а другой темнокожий. Я никогда не видела брата Тони и не знаю о нем примерно ничего, кроме того, что он уехал отсюда, когда ему исполнилось восемнадцать, и больше не возвращался. Я думаю, они поссорились, но не знаю, из-за чего. Тони, видимо, был любимчиком родителей, судя по некоторым деталям, о которых он рассказывал. Интересно, каково это – усыновить ребенка и потом предпочесть его своему собственному. Почему-то это кажется очень понятным. Его родители умерли, причем одновременно – они утонули, Джефферс, во время одного из штормовых приливов, которые случаются у наших берегов и могут стать неожиданностью даже для тех, кто досконально знает местность. Это произошло летом, они были в лодке, волна поднялась и утащила их в море. Тони сам много времени проводит в лодке, рыбачит или устанавливает ловушки для крабов и раков, но я думаю, что в глубине души он боится.

Тони никогда – насколько мне известно – не покупал ничего из одежды: его приемный отец и дед по счастливому стечению обстоятельств тоже были крупного телосложения и оставили после себя достаточно вещей, так что Тони редко случалось открывать шкаф и обнаруживать, что чего-то не хватает. Однако это придает ему некоторую эксцентричность: для этого конкретного случая, для встречи с Л, он выбрал дедушкин костюм-тройку с клетчатым жилетом и часами на цепочке. С его огромным ростом, длинными седыми волосами, темной кожей и грубыми чертами лица он выглядел, должно быть, устрашающе – я уже так привыкла к нему, что не всегда это замечаю. Сама же я, наверное, была одета как всегда, в белое или в черное, не помню, во что именно. Мне нравится мягкая, свободная, бесформенная одежда, которую можно носить слоями и в зависимости от погоды легко скинуть или надеть. Я никогда толком не разбираюсь в одежде, и особенно трудно мне давался выбор, так что хороший день для меня – это тот, когда я могу надеть всё сразу, а ограничивая цвета до черного и белого, мне больше не нужно думать об эстетической стороне вопроса.

Ты знаешь, как я выгляжу, Джефферс, и я всегда так выглядела: и в тот момент, и раньше, и сейчас. Я всегда была фаталистом в отношении к внешности, будто бы я тасую и перетасовываю ту же самую колоду карт, хотя за трудные годы до встречи с Тони я значительно сбросила вес, а потом так больше и не поправилась. В тот день в порту карты были сданы соответственно возрасту в пятьдесят лет. На моем лице уже пролегло несколько глубоких морщин, но не так уж много: жирная кожа, которая доставляла мне столько хлопот в юности, на этом этапе спасает меня – редкий пример справедливости в человеческой жизни. Мои длинные волосы немного поседели, и я всегда думала, что это делает меня ужасно похожей на ведьму, но единственное желание Тони, касающееся моей внешности, – чтобы я не стригла и не красила волосы, и в конце концов, это ему на них смотреть. В тот день, день приезда Л, помню, я необычайно четко осознала, что никогда не жила в моменте своей красоты в той мере, в какой я ею обладаю. Я всегда чувствовала, что это нечто, что я, возможно, приобрету, или что я временно утратила, или к чему стремлюсь, – порой казалось, что красота мне внутренне присуща, но я никогда не испытывала ощущения, что держу ее в руке. Говоря это, я как бы предполагаю, что другие женщины его испытывают, но не знаю, так это или нет. Я никогда не была близка с другой женщиной настолько, чтобы знать наверняка, как девочка бывает близка с матерью. Я представляю, как мать передает дочери жемчужину ее особой красоты.

Но вернемся к приезду Л: мы сидели на пластиковых стульях в зоне прибытия, когда через главные двери зашли мужчина и женщина. Мы ожидали, что Л выйдет с другой стороны, и поэтому не обратили на них внимания, но потом я посмотрела на них и поняла, что мужчина,

должно быть, и есть Л! Он подошел и вопросительно произнес мое имя, и я, разволновавшись, встала пожать ему руку, и в тот же самый момент он сделал шаг назад, подтолкнув вперед женщину, и сказал:

– Это моя подруга, Бретт.

Так что вместо Л я пожала руку сногшибательной особе лет под тридцать, чей элегантный и модный вид совершенно не соответствовал окружающей обстановке, и она протянула мне кончики пальцев с накрашенными ногтями так же радостно, как если бы мы встретились не в глухомани, а на коктейльной вечеринке на Пятой авеню! Она начала говорить взхлеб, но я была так поражена, что не слышала, что она говорит, и всё пыталась взглянуть на Л, но он будто прятался за ней. Тем временем Тони встал. В таких ситуациях он обычно совершенно бесполезен – просто стоит и молчит. Но я не выношу неловкости или напряжения в разговоре: я будто становлюсь пустой внутри и перестаю следить за тем, что происходит или обсуждается. Так что не могу сказать тебе, Джефферс, о чем тогда шла речь, но когда я представила Тони, молодая женщина, Бретт, посмотрела на него сверху вниз таким удивленным и откровенно оценивающим взглядом, какого я никогда не видела. Затем она повернулась ко мне и окинула меня тем же взглядом, и я догадалась, что она пытается вообразить меня и Тони в сексуальном контексте, пытается понять, каково это. У нее был любопытный полуоткрытый рот, который по форме напоминал щель в почтовом ящике, – рот бандита из комиксов, подумала я потом. В эти суматошные минуты мне удалось несколько раз бросить взгляд на Л, прячущегося за ней. Он был довольно крепким и невысоким – ниже, чем я; на нем были подвернутые белые брюки, кожаные палубные мокасины и свежая голубая рубашка с повязанным вокруг шеи ярким платком, он выглядел шикарно и по-пижонски. Он был очень ухоженным, что меня удивило. К тому же он держался непринужденно и весело, тогда как я представляла его более мрачным и серьезным, а его глаза были похожи на небесно-голубые самородки, от которых исходил завораживающий свет. Когда мы встречались взглядами, они светили в меня, как два солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.